
АЛФЕРОВА Е.В.¹, СКУРКО Е.В.² ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО (Обзор)

Аннотация. Сегодня Китай все более активно заявляет о себе в международных делах в целях международной безопасности, мира и международного инклюзивного развития, международной экологической повестки и межцивилизационного диалога, обновления системы глобального управления в XXI в. В данном обзоре анализируются новые монографии, исследующие особенности политико-правового развития современного Китая и расширение его влияния на международные отношения и международное право. Особое внимание акцентируется на дискуссии о возвышении Китая и его инициативах – «Один пояс и один путь», «Сообщество единого судьбы».

Ключевые слова: Китай; право КНР; международные отношения; международное право; международные инициативы Китая; «Один пояс и один путь»; «Сообщество единой судьбы».

ALFEROVA E.V., SKURKO E.V. Features of the political and legal development of modern China and its impact on international relations and international law (Review)

Abstract. Today, China is increasingly asserting itself in international affairs in order to maintain global peace and international securi-

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, зав. отделом правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

ty, international inclusive development, the international environmental agenda and inter-civilizational dialogue, and the renewal of the global governance system in the 21 st century. This review analyzes new monographs exploring the features of the political and legal development of modern China and the expansion of its influence on international relations and international law. Special attention is focused on the discussion about the rise of China and its initiatives – «Belt and Road Initiative», “Community of shared future for mankind”.

Keywords: China; law of the People's Republic of China; international relations; international law; China's international initiatives; “Belt and Road Initiative”; “Community of shared future for mankind”.

Для цитирования: Алферова Е.В., Скурко Е.В. Особенности политико-правового развития современного Китая и его влияние на международные отношения и международное право (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 1. – С. 99–116. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.07

Введение

В основе активизации взаимодействия Китая с системой международного права и международными институтами лежат руководящие принципы, изданные ЦК КПК в 2014 г., призывающие Китай усилить юридическую работу в сфере иностранных дел и разработку международно-правовых норм, содействовать правовому урегулированию международных вопросов, связанных с экономическими и социальными отношениями, укреплять влияние страны в международных правовых вопросах и использовать правовые методы для защиты государственного суверенитета, интересов безопасности и развития. Эти руководящие принципы рассматриваются предварительным условием для того, чтобы «оказывать большее влияние на нормы, действующие в международном сообществе, и интегрироваться в него, стать уважаемым нормотворцем и оставить свой след международном праве» [4, р. 2].

В последние годы вышел в свет ряд монографических научных исследований¹, в которых раскрываются роль Китая в глобальном управлении и регулировании международного правового порядка, влияние этой страны на развитие международных отношений, прослеживаются основные направления внешней политики КНР. На некоторых из них остановимся в данном обзоре [1; 2; 3; 4; 5].

К вопросу о растущем влиянии Китая на современное международное право. Многие исследователи отмечают, что Китай быстро расширил свое влияние, переориентируя свою традиционно направленную на внутренние проблемы на международно-правовую политику и практику. Взаимосвязь между международным правом и растущим Китаем имеет беспрецедентное интеллектуальное и политическое значение [2, р. 8]. Эта ситуация и тема, волнующая политиков и ученых, активно обсуждается уже ряд лет. Так, пять лет назад вышла в свет книга «Возвышение Китая и международное право: Серьезно о китайской исключительности» [2], в которой ее автор – Конгъян Цай, профессор международного права Университета Фудань в Шанхае, представил системное авторское видение и критическую оценку взаимодействия Китая и международного права, правовую политику и практику КНР в международной сфере, а также рассмотрел актуальные изменения в международном праве и место Китая в нем.

Возвышение Китая, как отмечает во введение Конгъян Цай, – одно из самых значительных, если не самое фундаментальное событие в перестройке международных отношений в этом столетии.

¹ См.: Zhao Longye. *Modern China and International Rules: Reconstruction and Innovation*. – Singapore: Springer, 2023. – 333 p.; The China-led Belt and Road Initiative and its Reflections: the Crisis of Hegemony and Changing Regional Orders / ed. Mehdi P. Amineh. – Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2022. – 315 p.; Hooper M. *China Rule of Law and the West*. – Singapore: Springer, 2024. – 156 p.; *China and International Norms: Evidence from the Belt and Road Initiative* / eds. by Mario Esteban, Yue Lin. – London; New York: Routledge, 2024. – 219 p.; Staiano M.F. *Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind*. – Singapore: Springer, 2023. – 84 p.; *The Cambridge handbook of China and international law* / eds. by Ignasio de la Rasilla, Congyan Cai. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2023. – 611 p., and others.

Китай растет и его подъем может привести к изменению международного правового порядка [2, р. 1]. Страна стала более дружелюбно относиться к международному праву, признавая, что международное право может усилить и оправдать его развитие. По словам министра иностранных дел Китая Ван И, «Китай признал, что в современном мире действовать в соответствии с международным правом – это здравый смысл, в то время как нарушать международное право непопулярно» [цит. по: 1, р. 7]). Китай стал более решительно относиться к вопросу оказания большего влияния на международное право, предлагая «китайскую мудрость» или «китайский проект» [2, р. 8].

Растущее влияние КНР, как отмечает автор, вызывает споры среди ученых и политиков. Конгъян Цай включается в дискуссию о характере взаимодействия Китая с международным правом и в спор о том, что может означать для будущего международного правопорядка и самого Китая его беспрецедентное экономическое и политическое развитие. Два недавних события – арбитражное разбирательство в Южно-Китайском море и торговая война между США и Китаем – усилили напряженность этой продолжающейся дискуссии. В связи с этим автор поднимает ряд важных вопросов: как Китай с течением времени корректирует свою международно-правовую политику в процессе изменения государственной идентичности Китая, особенно по мере того, как он становится могущественной державой; какие методы использует для соблюдения международного права и, в частности, для реализации своей новой правовой стратегии нормативного предпринимательства; как Китай организует свои внутригосударственные институты для применения международного права в целях дальнейшего укрепления своего влияния и использует международное право на национальном (в китайских судах) и международном уровнях (например, при международных судебных разбирательствах); как следует понимать «китайскую исключительность» и др.

В целях ответа на эти вопросы, автор анализирует законы, политику КПК, обращается к философии и экономике, лежащих в основе глобальной практики Китая, дает оценку новым инициативам КПК «Один пояс и один путь» и «Сообщество общего будущего для человечества».

Структура книги включает шесть глав, введение и заключение: «Актуальность международного права»; «Государственная идентичность и правовая политика»; «Режимы»; «Институты»; «Китайские суды»; «Правовые основы урегулирования споров»;

Начинает свою монографию Конгъян Цай с анализа трансформации международного права с четырех точек зрения – мирового сообщества, власти, правосудия и природы международного права. Такой подход, по его мнению, глубже раскрывает те значительные изменения в международно-правовой политике и практике ведущих мировых держав, включая Китай. В центре внимания автора правовой и политический контекст, в котором происходит подъем Китая, фундаментальные различия между усилением Китая и развитием других великих держав в истории. При этом Конгъян Цай подчеркивает, что в свете новых политических и правовых обстоятельств международное право может играть более важную роль в подъеме Китая, что может быть ожидаемым или неожиданным как для самого Китая, так и для международного сообщества [2, р. 13–21]. В целях погружения в этот вопрос и понимания сути происходящей трансформации влияния Китая на международное право и международные отношения, автор останавливается на следующих вопросах: как изменилась государственная идентичность Китая, начиная с XIX в.; когда китайская империя начала взаимодействовать с западным миром, особенно после основания КНР в 1949 г.; когда Китай начал придерживаться социалистической идеологии и режима, противоречащих тем режимам, что характерны странам Запада; каким государством является Китай в XXI в.; как влияет идентичность Китая на его международную правовую политику; как Китай реагирует на общепринятое представление о взаимосвязи между государственной идентичностью и поведением и как пытается уменьшить потенциальный диссонанс между своей новой идентичностью и поведением, а также успокоить другие страны, опасющиеся его подъема. И всё-таки есть первый, как пишет автор «глупый» вопрос: что такое Китай? На него он отвечает так: «Китай – это страна, идентичность которой определить крайне сложно. Самобытность этой страны не только со временем изменяется, но и проявляется во множестве аспектов. При этом у людей могут быть разные представления о Китае. Обсуждение эволюции идентичности Китая важно, чтобы понять, как

Китай формулирует свою международно-правовую политику по мере ее изменения» [2, р. 41] и далее.

Сегодня главной целью растущего Китая, подчеркивает Конгъян Цай, является соблюдение международных обязательств и норм, на которые ориентируется страна, участвуя в международных отношениях с международными организациями и другими государствами, а также его международная нормативная инициативность, или, как называет ее автор, – «нормативное предпринимательство». В связи с этим много внимания автор уделяет методам, которые Китай использует для соблюдения своих международных обязательств и нормативного предпринимательства, рассматривает взаимодействие Китая с государствами в вопросах мира, развития, прав человека, а также в новых областях международных отношений. Как следует из контекста, Китай стремится стать активным международным нормотворцем и выполнять международные обязательства, которые взял на себя. Однако есть обязательства, которые КНР не берет на себя. В связи с этим Конгъян Цай пытается показать разные стороны взаимодействия КНР с международным правом, в том числе раскрыть специфику трансформации его международно-правовой стратегии – от соблюдения международных норм к активному участию в их создании [2, р. 101–153].

Таким образом, по мере того как Китай набирает силу, он, с одной стороны, стремится добиться большего влияния на международные институты. С другой стороны, национальные учреждения также имеют значение для международного права как с точки зрения международного нормотворчества, так и с точки зрения его правоприменения. В отношениях с международными институтами, подчеркивает Конгъян Цай, Китай может быть аутсайдером, партнером, членом и спонсором международных организаций, в зависимости от конкретных ситуаций. Что касается национальных институтов КНР, то, учитывая, что для китайского государственного управления характерны уникальные механизмы взаимодействия государственных и частных институтов, автор рассматривает, как многочисленные государственные учреждения взаимодействуют друг с другом и как государственные учреждения взаимодействуют с частными учреждениями. Автор показывает не только то, как Китай взаимодействует с другими странами в эпоху международной институционализации на международном уровне, но и то, как

КНР использует свою уникальную институциональную силу для ускорения своего развития на национальном уровне [Ibid].

Немалую часть книги автор посвящает роли китайских судов в применении норм международного права в стране. В связи с этим следует отметить, что за последние два десятилетия, национальные суды во многих странах проявляют готовность применять международное право. Однако применение международного права в китайских судах обладает соответствующими особенностями, например, китайские суды участвуют в переговорах по международным договорам, обосновывают международно-правовые аргументы Китая, опираясь при этом на национальное законодательство и др. Китайские суды, подчеркивает Конгъян Цай, демонстрируют долгосрочную судебную политику Китая в отношении применения международного права [2, р. 233–266].

В международных делах Китай обычно предпочитал переговоры и консультации по урегулированию международных споров с привлечением третьей стороны и судебной ответственности. Эта тенденция начала меняться с 1990-х годов, когда международные суды и трибуналы, в том числе обладающие обязательной юрисдикцией, получили широкое распространение, что существенно упростило международные отношения. Поскольку судебный механизм часто является частью комплексного соглашения, и Китай, присоединяясь к тому или иному договору, не может не принять предусмотренный в нем механизм урегулирования споров, проблематика международного судебного разбирательства стала новым вызовом для политико-правовой системы КНР. Рассмотрению этих вопросов автор уделяет значительное место в своей книге [2, р. 267–319].

Конгъян Цай завершает свое исследование рассмотрением актуальной сегодня проблемы, которая связана с международным правовым порядком. Здесь он пытается сравнивать «американскую исключительность» и «китайскую исключительность». «Американская исключительность» ставит под угрозу международный правопорядок. Поскольку Китай неуклонно наращивает свою мощь, автор задается вопросом, возможно ли возникновение «китайской исключительности»? Если да, то похожа ли «китайская исключительность» на «американскую»? По его мнению, в свете международного контекста и особенностей Китая более вероятно,

что «китайская исключительность» может принести новые перспективы международному правовому порядку, тем самым уравновесив «американскую исключительность» [2, р. 321–326].

Конкретная тема – «возвышение Китая и его влияние на международное право», рассмотренная выше, не уходит из поля зрения исследователей. В 2021 г. вышла в свет книга «Возвышение Китая и теория международных отношений», автор которой Жан Качига, преподаватель кафедры политологии и международных исследований при Государственном университете штата Нью-Йорк в Брокпорте [4]. В своей монографии он прежде всего отмечает, что множество исследований последнего времени были сосредоточены на том, чтобы вписать поведение Китая в рамки, сложившиеся в теории международного права и международных отношений. Такой подход предполагает, что нет ничего, что не было бы теоретизировано, из того, что мог бы сделать участник международных отношений. А что, если поведение Китая не соответствует шаблонам или матрице, изложенным в существующих теориях? Что, если Китай своим поведением докажет, что существующие теории не исчерпывают возможности международных игроков в достаточной мере? В конце концов, Китай – это государство, которое подавило укоренившуюся ортодоксальность политических и экономических идеологий, одновременно поддерживая политический коммунизм и экономический капитализм свободного рынка. Что, если Китай возьмет на себя смелость выйти за пределы существующей теории и практики международных отношений? Проявит свободу действий, отражающую его способность как государства формировать на международной арене самобытные процессы и процедуры? Допустит ли государство такую волю – зависит от ряда факторов, таких как размер, возможности, амбиции, интересы, идентичность, степень удовлетворенности существующим порядком и т.д. [4, р. 4].

В ходе дискуссии ученых возник и обсуждается вопрос: является ли Китай государством, которое может повлиять на процессы и структуру существующего международного правопорядка? По мнению Ж. Качига, Китай, отвечает необходимым требованиям, которые побуждают государства стремиться к изменению существующего правопорядка. Во-первых, Китай начинает «перерастать» то место и роль, которые он занимал, и его растущее

Особенности политико-правового развития современного Китая и его влияние на международные отношения и международное право

влияние требует новой роли и места в международном праве и международных отношениях. Во-вторых, самобытность Китая достаточно уникальна, чтобы вызывать отклонения от существующих норм поведения. В-третьих, китайские масштабы, интересы, амбиции и возможности растут настолько значительно, что это приводит к усилению его влияния. То есть, с одной стороны, есть основания ожидать от Китая поведения, предсказанного теорией и практикой межгосударственных отношений. Есть, с другой стороны, причины ожидать поведения, неизвестного и еще не учтенного в этом арсенале. Последнее наблюдается в тщательной организации китайским политическим руководством своей дипломатической деятельности – углубляющейся по мере того, как оно осознает новую роль, которую Китай призван играть в международной системе и правопорядке.

Сегодня Китай стал «акционером», извлекающим выгоду из структуры международно-правовой системы, но, кроме того, он осознает, насколько эта система ограничена – не способна учитывать самобытность, культуру и историю Китая. Так, делает вывод Ж. Качига, «у Китая имеются свои интересы в международном праве и международных отношениях, но выбор, который он сделает для их реализации, может быть стать неожиданным для мирового сообщества – в силу его самобытности» [4, р. 5].

Нация, история которой насчитывает более двух тысячелетий и которая сформировала государство со статусом империи и имела контакты и отношения с другими странами, казалось бы, должна иметь историю внешней политики, чтобы можно было извлекать соответствующие уроки. Однако более пристальный взгляд на политическую историю Китая дает нам видение системы идей, событий, взглядов и размышлений о его внешней политике, соизмеримых с его долгой историей. То, что мы имеем, – это фрагментарная картина по вопросам пограничного контроля, приграничной торговли, экспедиций, посольств, императорской благосклонности к иностранным правителям и т.п. [4, р. 229].

К XIX в. Китай столкнулся с Вестфальской системой международного права и международных отношений. В этот же период Китаю приходилось страдать от иностранных вторжений – со стороны маньчжуров, Японии и с Запада. Иностранное политическое присутствие в Поднебесной оставило «шрамы»: оно унизило

китайцев, отняло у них часть гордости, повлияло на коллективную психику и подорвало представление китайцев о самих себе. Китай стал жертвой политических перемен, происходящих на международном уровне – однако и сам постепенно менялся в политическом плане: феодализм превратился в имперское правление, а затем в республику. В этот период Китай стал уделять внешней политике больше внимания, чем это было в прошлом. Коммунистический Китай стал формироваться с конца 1930-х годов, с этого периода существенно растет его активность в международных делах. Китайский национализм стал социалистическим, а внешняя политика Китая становится ориентированной на международный социализм [4, р. 232].

Годы правления Мао совпали с исторической эпохой развития в международном праве и международных отношениях современных политических идеологий и существования мира, состоящего из полностью сформировавшихся суверенных национальных государств как вокруг Китая, так и за его пределами. Китаю необходимо было проводить устойчивую внешнюю политику. Она была сосредоточена на защите своего суверенитета от империалистических держав, оказании поддержки тем, кого постигла та же участь по всему миру, и продвижении идеалов и целей марксистского мировоззрения на международном уровне. Внешняя политика Китая была провозглашена антиимпериалистической и антиколониальной. Китай занял независимую позицию как по отношению к СССР, так и к США. В этот период, несмотря на скромные возможности, Китаю удалось завоевать международный авторитет и репутацию независимого и влиятельного субъекта. Однако в годы правления Мао Цзэдуна Китай так и не смог по-настоящему и удовлетворительно сформулировать свою концепцию международного миропорядка. Китай выпустил ряд официальных документов, в которых излагаются его взгляды на мир. В одном из них говорится о мире, состоящем из трех различных миров. Первый был назван миром сверхдержав. Второй – миром промежуточных держав. Третий – мир развивающихся страны. Китай в целом критически относился к международно-правовой системе. В результате его внешнеполитические взгляды совпали с позицией критической теории международных отношений. Эра Мао, однако, длившаяся с конца 1940-х годов, закончилась в 1976 г., и Китай начал програм-

Особенности политико-правового развития современного Китая и его влияние на международные отношения и международное право

му реформ, которая частично отменяла его презрение к капитализму, частной собственности, а также неприятие институционального либерализма. Инициативы по реформированию в 1978 г., темпы изменений как внутри Китая, так и за его пределами были стремительными. Китай вступил в эпоху политики открытых дверей [4, р. 233].

Внутри страны Китай одновременно приспосабливался к переходу своей экономической системы к системе свободного рынка, преобразовывая свою бюрократию, законы и создавая новые институты. Во внешней сфере Китай предпринял множество инициатив и мероприятий, направленных на интеграцию институтов неолиберального порядка. Китай присоединяется к международным режимам безопасности, инициирует создание новых международных организаций, содействует развитию торговли, ищет доступ к рынкам и инвестиционным возможностям, предлагая новое видение международной политики, в том числе отказ от политики силы, создание альянсов и стратегических партнерств и др. Эти инициативы принесли свои плоды: Китай стабилизировал свое международное присутствие, увеличил свое богатство, положение и влияние на международной арене. Китайский национализм стал более дружелюбным по отношению к остальному миру и стал ассоциироваться со взаимозависимостью [4, р. 234].

В 1980-х годах китайская внешняя политика выработала новое направление – «мирное развитие». И Дэн Сяопин, и Цзянь Цзэминь, стремясь не вызывать страха у соседей в связи с подъемом Китая, постарались успокоить их. Любое нарушение мира, кроме того, было бы нарушением развития самого Китая. В 1988 г. Китай заявил о необходимости установления нового международного политического и экономического порядка (что, однако, не вышло за рамки заявлений) [Ibid].

Исследователи выделяют пять основных целей внешней политики Китая и его поведенческих установок в международной системе с 1950-х годов. Это социалистические ориентиры, антигегемонистские устремления, направленность на мирное сосуществование, государственничество и изоляционизм. Все они находят свое моральное обоснование либо в идеалах конфуцианства, либо в идеалах коммунизма. По мнению специалистов, именно этими ценностями руководствовался Китай в своих отношениях с

Японией, СССР, США, а также с развивающимися странами. Сегодня эти пять основных внешнеполитических ориентиров КНР нуждаются в некотором пересмотре. Так, хотя Китай по-прежнему выступает против гегемонии Запада, именно ему сегодня приходится беспокоиться о том, что его называют «гегемоном». Китай по-прежнему придерживается внешнеполитических целей мирного сосуществования и государственных взглядов, несмотря на переход к системе рыночной экономики. Он по-прежнему считает себя социалистическим государством. В отличие от прошлого, Китай сегодня совсем не изоляционист [4, p. 234–235].

Как пишет Ж. Качига, если проводить анализ и выявлять цели внешней политики Китая, следует прежде всего изучить заявления КПК, но самое главное – наблюдать за дипломатической сферой. Эти цели – в период с 1980-х до 2000-х годов – можно оценивать как содействие торговле, процветанию и миру, а также продвижению собственной безопасности КНР. Такова была картина внешней политики Китая вплоть до нового тысячелетия: внешняя политика Китая была осторожной по отношению к миру. Начиная с 1990-х годов, Китай предусмотрительно продвигался в своем развитии, интегрировался в глобальные процессы свободного рынка, становился успешным в ИТ и других областях экономики. На этом этапе он руководствовался политической мудростью Дэн Сяопина, призывавшего страну не привлекать к себе внимания на международной арене. Позже, с 2003 г., ведущие деятели КПК стали говорить о «мирном подъеме». После периода правления Ху Цзиньтао (2003–2013), который в ретроспективе выглядит как эпоха консолидации, и после периода стабилизации Цзян Цзэминя, картина внешней политики Китая стала менее расплывчатой: Китай начал более четко формулировать свои цели и даже предпринял попытку отойти от прежней практики формулирования внешнеполитических целей с помощью лозунгов [4, p. 235].

Внешняя политика Китая уверенно становится инструментом достижения национальных экономических и политических целей. Так, начиная с 2013 г., в эпоху правления Си Цзиньпина, участие Китая в международных делах нередко стали называть «наступательной дипломатией». В период председательства Си Цзиньпина Китай стал более решительным, некоторые, пишет Ж. Качига, полагают, что потенциально конфронтационным [4, p. 236].

Си Цзиньпин «приоткрыл завесу тайны над вопросом о том, какой будет внешняя политика Китая по мере его возвышения». Си Цзиньпин выступил с речью в октябре 2017 г. на 19-м национальном съезде КПК. В частности, он говорил о китайской военной мощи, о международной торговле с обоюдовыгодными целями, о «построении сообщества с общей судьбой для человечества», о необходимости оставить позади старые практики силовой политики и перейти к демократическим международным отношениям [цит. по: 4, р. 236]. В его речи также были затронуты вопросы, имеющие внешнеполитическое значение: он пообещал восстановить величие Китая к 2049 г., к столетию образования Китайской Народной Республики. Это – национальная цель, призванная помочь китайцам вновь обрести чувство величия и гордости. И в стремлении вернуть себе это величие и гордость Китай не хочет уступать никому, даже в военном отношении. Председатель Си Цзиньпин заявил о цели значительного обновления армии к 2020 г., полной модернизации армии к 2035 г. и доведению ее до мирового уровня к 2050 г. Вторая цель – Китай возьмет на себя ответственность за глобальное управление. Эта конкретная цель свидетельствует о лидерской роли, которую Китай будет играть, как только сочтет, что пришло время. Роль лидера подразумевает меры по поддержке многосторонней торговли, что возможно только при условии обеспечения международного порядка и преодоления других сопутствующих проблем, волнующих человечество, таких как охрана окружающей среды. Третья цель, которая была сформулирована в речи Си Цзиньпина, – утвердить лидерство КНР на региональном уровне [4, р. 237].

Международная проекция китайского права. По мнению Марии Франчески Стейано, координатора Центра китайских исследований, профессора Института международных отношений Национального университета Ла-Платы (Аргентина), в Китае укрепляется концепция, традиционно характерная для «западной матрицы» – демократия, права человека, верховенство права, но «с китайской спецификой»¹ [5, р. X]. Однако современное право

¹ Подробнее см.: Алферова Е.В., Скурко Е.В. [Рец.] // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. – 2024. – № 4. – Рецензия на книгу: Staiano M.F. [Стейано М.Ф.] Chinese Law and Its International Projection: Building a

КНР, в отличие от западного, по-прежнему следует таким традиционным ценностям, как приоритет коллективных прав – над индивидуальными; социальная гармония – над индивидуальной свободой; обязанность работать – по отношению к праву на труд; государственный контроль над экономикой – по отношению к свободному рынку; уважение к политическому руководству – противопоставляется политическому недовольству; семейные отношения – распаду семьи. Сегодня эта система ценностей получила название «азиатские ценности», закрепленные в Бангкокской декларации о правах человека 1993 г.

Правовая система современного Китая – «продукт многомерного и кумулятивного культурного процесса, в ходе которого различные современные правовые концепции и новые идеи накладывались на пласты древнекитайской мысли, создавая гибкий комплекс схем, моделей и парадигм, относящихся к разным культурам и периодам» [5, р. 13]. Исходя из этого ракурса, М. Стейано исследует: традиционные элементы правовой системы Китая; международное право как источник права Китая; эволюцию правовой системы Китая и создание «правового государства» с китайской спецификой; проект построения сообщества единого будущего для человечества и формирование этого сообщества с учетом китайских концепций международных отношений. При этом отмечается, что Китай в своих международных отношениях, реализуя различные программы и планы действий, руководствуется собственной иерархической системой ценностей и значимостью дружественных отношений с тем или иным государством, действует совершенно по-разному в области международных отношений, и понять это можно, подчеркивает автор, если знать конфуцианскую философию влияния отношений на престиж человека [Ibid.].

Современные международные проекты Китая – это его инициативы «Сообщество единого будущего для всего человечества» и «Один пояс и один путь. Проект «Сообщество единого будущего» предлагает строить дипломатические отношения с международным сообществом на основе общих интересов, способствующим

ших созданию нового многополярного порядка для защиты международной справедливости и правосудия, установления «нового типа» международных отношений [5, р. 49–51].

Инициатива «Один пояс и один путь» рассматривается как путь преодоления практик выражения национального интереса каждого отдельного государства в международном праве и международных отношениях, заключенного в поствестфальской концепции суверенитета, в стремлении к взаимодействию на международном уровне. Эта инициатива предлагает следовать дипломатии, основанной на общих интересах международного сообщества, способной обеспечить взаимовыгодное экономическое сотрудничество в целях установления более справедливого международного правопорядка [5, р. 66].

Инициатива «Один пояс и один путь». Идея «Один пояс и один путь» была впервые выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Реализация этой идеи связана со стимулированием внешней открытости Китая миру в товарной, инвестиционной, финансовой, технологической областях, расширением инфраструктурных связей и усилением потенциала влияния Китая на трансграничное социально-экономическое сотрудничество и дипломатию. Опыт десятилетия распространения этой инициативы получил отражение и оценку в монографии Хонг Ю, старшего научного сотрудника Восточноазиатского института при Национальном университете Сингапура, «Понимание китайской инициативы «Один пояс и один путь» [3]

«Один пояс и один путь» (Belt and Road Initiative) (BRI), как отмечает автор, впитал историю Великого Шёлкового пути, который был, по сути, древней сетью торговых путей, соединяющих Китай с народами и регионами на Евразийском континенте, в Юго-Восточной Азии, Южной Азии, с Персидским заливом и Средиземным морем. Современный проект «Один пояс и один путь» охватывает ключевые компоненты политики, финансирования инфраструктуры и строительства, экономики, социальной сферы и безопасности, способствует реализации курса реформ, расширяет сотрудничество в рамках этого проекта и формирует общее Евразийское пространство. Эта инициатива усиливает влияние Китая на мировую геополитику и геоэкономику и, главное – отражает его борьбу за лидерство в условиях нестабильной международной

обстановки. Как замечает Хонг Ю, еще ни одна из предыдущих инициатив в области развития не вызвала таких интенсивных дискуссий среди правительств, ученых, средств массовой информации и деловых кругов по всему миру, как BRI [3, р. V].

Поскольку в 2023 г. «Один пояс и один путь» отметила 10-ю годовщину своего внедрения, Хонг Ю пытается оценить достижения, показать проблемы и вызовы, с которыми она сталкивается и прогнозировать ее будущие перспективы.

Анализ материалов третьего Форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь», который проходил в Пекине с 17 по 18 октября 2023 г., показал, что сегодня проект «Один пояс и один путь» превратился из регионального инфраструктурного плана, призванного соединить Китай со странами Евразии, в глобальную инициативу, направленную на поддержку финансирования и строительства инфраструктурных проектов практически во всех уголках мира, в частности в слаборазвитых и развивающихся странах. Эта инициатива уже во многом изменила региональный ландшафт финансирования и развития инфраструктуры во многих странах BRI. Китай использовал свои богатые резервы капитала и опыт в области развития инфраструктуры, чтобы объединить страны в разных регионах.

В общей сложности к июню 2023 г. 152 страны уже присоединились к этой инициативе, большинство из которых – страны Глобального Юга. Китай считает, что эти страны имеют решающее значение для его экономической и дипломатической повестки дня. Улучшенная инфраструктура, включающая железные дороги, морские порты, автомагистрали, аэропорты и электростанции, способствует развитию двусторонней торговли между Китаем и странами BRI [3, р. 202].

Международная реакция на инициативу «Один пояс и один путь», как подчеркивает Хонг Ю, в значительной степени разделилась по геополитическому признаку между странами Запада и Глобального Юга. Хотя многие на Западе критикуют недостатки инициативы и подозревают геополитические мотивы Пекина, стоящие за ее реализацией, страны Глобального Юга в подавляющем большинстве поддерживают китайскую инициативу BRI и высоко оценивают ее достижения в улучшении инфраструктурных связей в развивающихся странах [3, р. 202].

Проследить центральную роль экономической повестки дня в рамках проекта сотрудничества «Один пояс и один путь» на институциональном уровне предприняли также авторы монографии «Китай и международные нормы: доказательство – инициатива «Один пояс и один путь» под редакцией Марио Эстебана и Юэ Лин, доцентов Центра Восточноазиатских исследований Автономного университета Мадрида (Испания) [1].

По мнению авторов, десятилетняя реализация проекта «Один пояс и один путь» подтверждает факт большого влияния Китая на международные отношения и международное право, отражает динамику взаимодействия политико-правовой системы Китая с международным правом. Китай сегодня играет важную роль в международном сообществе. Во-первых, страна обладает крупнейшей экономикой по ВВП и по паритету покупательной способности (ППС) и является ключевым экономическим партнером многих стран. Например, по результатам первой половины 2020 г., по данным ВТО, Китай экспортировал почти 29% важнейших товаров, связанных с COVID-19. Кроме того, по данным UNCTAD, Китай – третий по величине иностранный инвестор в мире и основной источник финансирования многих развивающихся стран. Во-вторых, Китай является ключевым игроком в решении основных задач многосторонней повестки дня в международных отношениях, а также одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и вторым донором общего бюджета ООН (12%), а также миссий по поддержанию мира (15,2%), по данным Департамента операций ООН по поддержанию мира. Китай занял лидирующие позиции в четырех из 15 специализированных учреждений ООН: Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), Международной организации гражданской авиации (ИКАО), Международном союзе электросвязи (МСЭ) и Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). В-третьих, Китай – единственная страна, которая может реально бросить вызов гегемонии США [1, p. 9].

Заключение

Благодаря значительному росту своего экономического, дипломатического и военного потенциала, Китай практически единодушно признается сегодня растущей ведущей державой [1, p. 9].

Результатом влияния Китайской Народной Республики на международные отношения и международное право стало непосредственное и существенное экономическое сотрудничество со многими странами, с которыми она поддерживает значительные торговые, финансовые, инвестиционные, технологические и другие связи. Их эффективность бросает вызов тем ведущим странам, которые избирают тактику международных санкций и поддержки вооруженных конфликтов. Инициативные проекты Китая «Один пояс и один путь» и «Сообщество единого будущего для всего человечества», по мнению ученых, рассматриваются как стратегический путь Китая и стран, поддержавших эти проекты, к новому миропорядку, основанному на справедливом распределении благ, демократизации международных отношений, равенстве, ответственности и толерантности, уважения и солидарности.

Список литературы

1. China and International Norms: Evidence from the Belt and Road Initiative / ed. Mario Esteban, Yue Lin. – London; New York: Routledge, 2024. – 219 p.
2. Congyan Cai. The Rise of China and International Law: Taking Chinese Exceptionalism Seriously. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2019. – 348 p.
3. Hong Yu. Understanding China's Belt and Road Initiative. – Singapore: Springer, 2024. – 227 p.
4. Kachiga J. The Rise of China and International Relations Theory. – New York: Peter Lang, 2021. – 284 p.
5. Staiano M.F. Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind. – Singapore: Springer, 2023. – 84 p.